

Марина. Райнер. 1926

Литературно-музыкальный вечер «Марина. Райнер. 1926» — это переписка между великими Мариной Цветаевой и Райнером Марией Рильке, представленная в жанре «акустической читки».

Актеры:

- Анастасия Александрова (Кербенген)
- Виктор Вержбицкий
народный артист России
- Евгения Зубова (Боргардт)
лауреат международных конкурсов (альт)
- Алексей Вакер
лауреат международных конкурсов (роль)

Сценарий:

- Нина Жиленко
заслуженный работник культуры Республики Башкортостан
- Анастасия Мордвинова

Музыка:

- Импровизации на темы Игоря Стравинского, Пауля Хиндемита, Эдисона Денисова и Алексея Вакера

Филолог-консультант:

- Юлия Пасько
доцент, руководитель Клуба немецкого языка gut geD-A-CHt при НИУ Высшая школа экономики

Режиссер: Валентина Грищенко

Хореограф: Екатерина Стегний

Куратор проекта: Валентина Айшпор

Проект создан в сотворчестве с давним партнером

Международного союза немецкой культуры - Клубом немецкого языка gut geD-A-CHt при Национальном исследовательском университете Высшая школа экономики.

РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ,
УЛ. МАЛАЯ ПИРОГОВСКАЯ, Д. 5,
ЗАЛ «БЕРЛИН»

Анастасия Кербенген
Виктор Вержбицкий,
народный артист РФ
Евгения Зубова [альт]
Алексей Вакер [роль]

**17
02
20:00**

Марина. Райнер. 1926

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ
по предварительной
записи

1919 Во мне много душ. Но главная моя душа — германская. Во мне много рек, на главной моей реке — Рейн. Вид готических бункеров сразу ставит меня в гашню: на самый выисший зубец! (Не буй, а зубец). Zacken* — какое великолепие! В германском гимне я растворяюсь.

Lieb Vaterland, magst ruhig sein**

Вы только прислушайтесь к этому magst, — точно лев — левенку!
Ведь это сам Рейн говорит: Vater Rhein!*** Как же тут не быть спокойным?!

(Из дневников)

1927 «Путь русского родней немецкий,
Мне, всех ангельский родней!»
(Из поэмы «Новогоднее»)

1927 «Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови
и свободной страстью духа»
(Из письма Анне Тексенов. О Райнере Марии Рильке)

*Зубцы (нем.)
**«Люди отечество и можешь быть спокойным» (нем.)
***Rein-батюшка! (нем.)

1899 Я уже три недели в России. Я слышала псалмычьи колокола в Москве, а теперь переживаю начало весны в блеске березовых рощ и плеске широкой Невы. Испытываешь необычное ощущение, находясь ежедневно среди этого рода, который полон смиренного и набожного, и в в глубоко радуюсь этому новому опыту

(Из письма писательницы Франциске фон Ревеншлов)

1899 Вчера мы были приглашены на чай к графу Льву Толстому, и провели у него два часа, испытывая глубокую радость от его доброты и человечности. Мы были тронуты простотой его любезности и словесно благословляем старцем, сплоскобным так по-юношески и проявлять свою доброту, и сердиться. Это вышло всяких слов!

(Из письма к матери)

1903 К числу сокровенных тайн и неизбывных опор моей жизни принадлежит то, что Россия — моя родина...

(Из письма к Лу Андреас-Саломе)

1904 Когда впервые приехал в Москву, все показалось мне известным и давно знакомым; это случилось в Пасху. И отозвалось во мне: моя Пасха, моя весна, мой колокола. Город моих самых далеких и глубоких припоминаний, непрерывно манящее возвращение: родина.

(Из письма тевтонской писательницы Элиен Кел)

1920 Чем только я ни обязана России, она сделала меня таким, каков я ныне, из нее вырос духовой, она — родина каждого моего побуждения, все мои духовные стоки — там.

(Из письма к литературному лейопольду Шлигелеру)

История отношений Рильке и Марины Цветаевой — не совсем обычная. Это — история любви, в которой раскрывается мятущаяся и маячная «крылатая» душа Марины Цветаевой. Цветаева готовила и славила Рильке как никого другого из своих современников. «Германский Орфей, то есть Орфей, на этот раз явившийся в Германию. He Dichter («поэт») — Geist der Dichtung («дух поэзии»)», — писала она о нем. Рильке отвечал ей взаимностью. Едва услышав голос Цветаевой, Рильке был захвачен силой и подлинностью его интонаций, покорен его страстностью. Горько любивший Россию и русских людей, он рванулся — за полгода до смерти! — навестить Марию, поутив в ней, должно быть, сокровенное и родственное ему начало. «Я последняя радость Рильке, — утверждала (и, пожалуй, не ошибалась) Цветаева, — и последняя его русская радость, — его последняя Россия и дружба».

Впрочем, отношения Цветаевой и Рильке весной — летом 1926 года, не складываются в рамки традиционных понятий «переписка» и «дружба» (так полагала и сама Цветаева). Разговор в письмах, который вели поэты в те несколько месяцев 1926 года, овеян дышащим высоким лирикой; подчас он кажется неземным, надмирным. Иногда, о чем говорится в их письмах, напоминает невидимые звуковые волны, излучаемые камертоном чутких души и берущие от поэта к поэту. Уже в первой строчке, обращенной к Цветаевой, Рильке сказал об этой близости, неосознанности их порывов друг к другу: «Wir rühren uns. Womit? Mit Flügel schlägen...» (В дословном переводе: «Касаемся друг друга. Чем? Взмахами крыльев»)

Но при всей своей «окрыленности» переписка Цветаевой и Рильке имеет трагическое звучание. Непреджизненные восприятия в области духа чреватые порою опасностью отрыва от реальности поны, от «жизни». Да — Марина Цветаева, невозможна даже для самых одухотворенных и возвышенных натур. История Цветаевой и Рильке великолепно иллюстрирует это изначальное и неустрашимое противоречие между «поэтом» и «человеком», между тем светом и этим. Двум великим лирикам удалось приблизиться друг к другу в душе, но действительность разрушила эту хрупкую надмирную арку, развела их радужные надежды и помыслила... Запредельная, заоблачная встреча поэтов и очна их не встречала — такова основная и глубоко жемьящая тема этой любовной истории», ее лейтмотив и болезненный драматический узел.

О переписке Марины Цветаевой и Райнера Марии Рильке

Райнер Мария Рильке

Rainer Maria Rilke
Elegie an Marina Zwetajewa-Efron

O Die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!
Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem
Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.
So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.
Jeder verzichtende Sturz stürzt in den Ursprung und heilt.

Wäre denn alles ein Spiel, Wechsel des Gleichen, Verschiebung,
nirgends ein Name und kaum irgendwo heimisch Gewinn?
Wellen, Marina, wir Meer! Tiefen, Marina, wir Himmel.
Erde, Marina, wir Erde, wir tausendmal Frühling, wie Lerchen,
die ein ausbrechendes Lied in die Unsichtbarkeit wirft.

Wir beginnens als Jubel, schon übertrifft es uns völlig;
plötzlich, unser Gewicht dreht zur Klage abwärts den Sang.
Aber auch so: Klage? Wäre sie nicht: jüngerer Jubel nach unten.
Auch die unteren Götter wollen gelobt sein, Marina.
So unschuldig sind Götter, sie warten auf Lob wie die Schüler.

Loben, du Liebe, laß uns verschwenden mit Lob.
Nichts gehört uns. Wir legen ein wenig die Hand um die Hälse
ungebrochener Blumen. Ich sah es am Nil in Kôm-Ombo.
So, Marina, die Spende, selber verzichtend, opfern die Könige.
Wie die Engel gehen und die Türen bezeichnen jener zu Rettenden,
also rühren wir dieses und dies, scheinbar Zärtliche, an.

Ach wie weit schon Entrückte, ach, wie Zerstreute, Marina,
auch noch beim innigsten Vorwand. Zeichengeber, sonst nichts.
Dieses leise Geschäft, wo es der Unsrigen einer
nicht mehr erträgt und sich zum Zugriff entschließt,

rächt sich und tötet. Denn daß es tödliche Macht hat,
merkten wir alle an seiner Verhaltung und Zartheit
und an der seltsamen Kraft, die uns aus Lebenden zu
Überlebenden macht. Nicht-Sein. Weißt du's, wie oft
trug uns ein blinder Befehl durch den eisigen Vorraum

neuer Geburt . . . Trug: uns? Einen Körper aus Augen
unter zahllosen Lidern sich weigernd. Trug das in uns
niedergeworfene Herz eines ganzen Geschlechts. An ein Zugvogelziel
trug er die Gruppe, das Bild unserer schwebenden Wandlung.

Liebende dürften, Marina, dürften soviel nicht
von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein.
Erst ihr Grab ist alt, erst ihr Grab besinnt sich, verdunkelt
unter dem schluchzenden Baum, besinnt sich auf Jeher.
Erst ihr Grab bricht ein; sie selber sind biegsam wie Ruten;

was übermäßig sie biegt, ründet sie reichlich zum Kranz.
Wie sie verwehen im Maiwind! Von der Mitte des Immer,
drin du atmest und ahnst, schließt sie der Augenblick aus.
(O wie begreif ich dich, weibliche Blüte am gleichen
unvergänglichen Strauch. Wie streu ich mich stark in die Nachtluft,

die dich nächstens bestreift.) Frühe erlernten die Götter
Hälften zu heucheln. Wir in das Kreisen bezogen
füllten zum Ganzen uns an wie die Scheibe des Monds.
Auch in abnehmender Frist, auch in den Wochen der Wendung
niemand verhülfe uns je wieder zum Vollsein, als der
einsame eigene Gang über der schlaflosen Landschaft.

Райнер Мария Рильке
Элегия Марине Цветаевой-Эфрон

О растворенье в мирах, Марина, падучие звезды!
Мы ничего не умножим, куда б ни упали, какой бы
новой звездой! В мирозданье давно уж подсчитан итог.
Но и уменьшить не может уход наш священную цифру:
вспыхни, пади, — все равно ты вернешься в начало начал.

Стало быть, все — лишь игра, повторенье, вращенье по кругу,
лишь суета, безымянность, бездомность, мираж?
Волны, Марина, мы море! Звезды, Марина, мы небо!
Тысячу раз мы земля, мы весна, Марина, мы песня,
радостный льющийся гром жаворонка в вышине.

Мы начинаем, как он, — осанной, но темная тяжесть
голос наш клонит к земле и в плач обращает наш гимн.
Плач... Разве гимну не младший он брат — но склоненный?
Боги земли — они тоже хотят наших гимнов, Марина.
Боги, как дети, невинны и любят, когда мы их хвалим.
Нежность, Марина, — раздарим себя в похвалах.

Что назовем мы своим? Прикоснемся дрожащей рукою
к хрупкому горлу цветка. Мне пришлось это видеть на Ниле.
Как спускаются ангелы и отмечают крестами двери невинных,
так и мы — прикасаемся только к вещам: вот эту не троньте.
Ах, как мы слабы, Марина, отрешены — даже в самых
чистых движениях души. Прикоснуться, пометить — не больше.

Но этот робкий порыв, когда одному из нас станет
невмоготу, когда он возжелает деянья, —
жест этот мстит за себя — он смертелен. И всем нам известна
эта смертельная сила: ее сокровенность и нежность,
и неземной ее дар — наделять нас, смертных, бессмертьем.

Небытие... Припомни, Марина, как часто
воля слепая влекла нас сквозь ледяное преддверье
новых рождений... Влекла — нас? Влекла воплощенное зренье,
взгляд из-под тысячи век. Всего человеческого рода
сердце, что вложено в нас. И как перелетные птицы,
слепо тянулись мы к дальней невидимой цели.

Только нельзя, Марина, влюбленным так много
знать о крушеньях. Влюбленных неведение — свято.
Пусть их надгробья умнеют и вспоминают над темной
сенью рыдающих крон, и разбираются в прошлом.
Рушатся только их склепы; они же гибки, как лозы,
их даже сильно согнуть значит сделать роскошный венок.

Легкие лозы на майском ветру! Неподвластны
истине горького «Вечно», в которой живешь ты и дышишь.
(Как я тебя понимаю, о женский цветок на том же
неопалимом кусте! Как хочу раствориться в дыханье
ветра ночного и с ним улететь до тебя!)

Каждый из нас, уверяли боги, — лишь половина.
Мы ж налились до полна, как полумесяца рог.
Но и когда на ущербе, когда на исходе, —
цельность сберечь нашу может лишь он — одинокий,
гордый и горестный путь над бессонной землею.